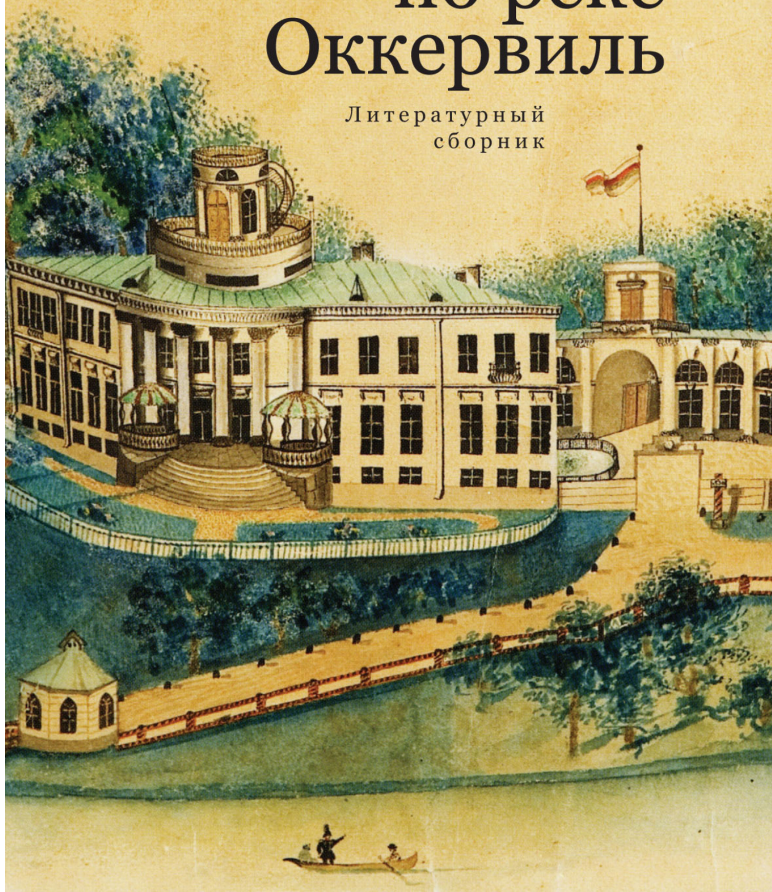

А. В. Долгополов
А. В. Карпов
А. В. Черемисин

Вверх по реке Оккервиль

Литературный
сборник

Александр Владимирович Карпов
Алексей Владимирович Черемисин
Алексей Викторович Долгополов
Вверх по реке Оккервиль

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42598967

*А. В. Долгополов, А. В. Карпов, А. В. Черемисин. Вверх по реке
Оккервиль. Литературный сборник: Алетейя; СПб; 2018
ISBN 978-5-907115-42-2*

Аннотация

Река Оккервиль всегда привлекала нас необычностью своего имени. Мы много бродили по её берегам. Неторопливое, но постоянное течение воды и пленительное очарование Уткиной дачи, сохранившей отсвет солнечной пушкинской эпохи, вдохновляли нас писать стихи и песни. Движение вверх по реке – преодоление повседневности, ведь легко плыть только по течению. Путь к верховьям – возвращение к истокам, но одновременно, дорога в будущее... Сборник адресуется широкой аудитории читателей, любителям поэзии и прозы, а также композиторам, драматургам, режиссерам и артистам, которых могут заинтересовать публикуемые тексты как материал для музыкальных произведений различных жанров, пьес, спектаклей, концертных номеров. Авторы выражают

искреннюю признательность за помощь в подготовке издания
Анне Блютен, а также всем, кто оказал содействие в реализации
данного проекта.

Содержание

Александр Карпов	7
Алексей Долгополов	27
Северная столица	30
Вечерняя песня	32
«Девочка в песочнице куличик...»	33
Церковь Илии Пророка на Охте	34
Всем жителям Охты, любящим Марину	36
Цветаеву, посвящается	
Романс об Охте	39
Дожди Петербурга	42
Осенний романс	44
«Где-то в дальних звездах тает...»	46
«Мой друг – вернее просто не найти...»	47
Марток, или Моцарт среди экологов	48
Сосна	49
«Ma grand-mère prépare le dîner pour moi...»	50
Бабушке	51
Маме	55
Русская зима	56
Цветы на даче	57
Роза	58
Янтарная любовь	59
Хуанхэ	62

«Я расстаться с тобой не могу...»	65
Неверность	66
Вы так прекрасны и жестоки	69
«Есть в человеке триединство...»	71
Сады вселенной	72
Поздравление Вере Александровне Карповой на юбилей	74
«Мы у иконы Божьей Матери...»	76
Блокадникам	77
Театр жизни	78
«У нас есть то, что скрыто от ума...»	80
Весенний шум	81
Афродита	83
Я твой Меджнун	85
Нине	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**А. В. Долгополов, А. В.
Карпов, А. В. Черемисин
Вверх по реке Оккервиль.
Литературный сборник**

В оформлении обложки использована акварель П. А. Дейера «Уткина дача», усадьба З. П. Шаховской. 1840 г., хранящаяся в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга

© А. В. Долгополов, 2 018

© А. В. Карпов, 2 018

© А. В. Черемисин, 2 018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Александр Карпов
Малая Охта: перекрестки
поэзии и прозы
(вместо предисловия)

В Петербурге мы сойдемся снова...
О. Мандельштам

Небольшая река Оккервиль течет по северным районам Петербурга, впадая в реку Охту, которая, в свою очередь, сливается с полноводной Невой. Их берега образуют основную «географическую» границу Малой Охты. Это край нашего школьного детства и юности. Культурное пространство охтинского «междуречья» очень плотно насыщено событиями, персонажами, переплетениями судеб и жизненных путей. Кроме того, именно здесь по-особому ощущается преемственность веков и тысячелетий. Знаменитый Охтинский мыс, где сосредоточено множество археологически изученных памятников прошедших времен (от поселений эпохи неолита до шведских крепостей XVII в.), по праву стал именоваться «петербургской Тройей»¹.

¹ См.: *Сорокин П. Е.* Археологические памятники Охтинского мыса // Наука в России. М., 2011. № 3. С. 19–25; Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса

В меньшей степени, чем с главными этапами городской истории, но так же непосредственно и зримо, Малая Охта связана с российской поэзией и прозой. Знаменитые владельцы Уткиной дачи, построенной в конце XVIII в. вблизи слияния Охты и Оккервиля, – дворяне Полторацкие – общались с широким кругом литературно-художественной и интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX столетий. Архитектор, создававший главный усадебный дом, до сих пор точно не установлен. Возможно, это был Джакомо Кваренги или Николай Львов². Последний прославился не только как выдающийся зодчий, но и как художник-график: в частности, он иллюстрировал «Метаморфозы» Овидия и произведения Гавриила Державина, с которым был дружен, входя в литературный кружок, искавший новые пути отечественного стихосложения. Поэтические опыты и переводы Николая Львова менее известны, чем его многочисленные постройки, но отражают несомненный литературный талант и возвышенный эстетизм служителя многих муз.

В 1800-х–1820-х гг. усадьбой фактически управляла Агафоклея Марковна Полторацкая (Сухарева). Ее родная сестра Елизавета была женой Алексея Оленина, директора Пуб-

[Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 5]. СПб., 2017.

² Изучение архитектурной и социальной истории Охтинских дворянских усадеб в настоящее время продолжает методист краеведения и координатор краеведческой работы Дворца детского (юношеского) творчества Красногвардейского района Наталья Павловна Столбова. Приношу ей искреннюю благодарность за обстоятельные научно-краеведческие консультации.

личной библиотеки и президента Императорской академии художеств. Их дочь, Анна Оленина, в которую был влюблен Пушкин, посещала Уткину дачу как загородный дом своей тетушки Агафоклеи. Один из визитов (1828 г.) отразился в дневнике Annette, где юная Оленина описала свое знакомство с молодым офицером (переросшее в дружбу), прогулку «по одной существующей аллее сада» и игру в кольца.

Навсегда вошла в «золотой век» русской поэзии и другая представительница этого знатного рода – Анна Керн (дочь Петра Марковича Полторацкого), еще одна пушкинская «дама сердца». Анна Петровна познакомилась с Пушкиным на одном из вечеров (1819 г.) у Олениных в их доме на набережной Фонтанки. Бывали ли она и Александр Сергеевич в доме Полторацких на берегу Оккервиля – достоверно не известно. Хотя на Охте, по крайней мере на Большой, Пушкин, несомненно, бывал. Впрочем, он никак не «поэтизировал» эти городские окраины. Лишь только традиционный промысел охтян – разведение коров и доставка молока в центральные районы столицы («с кувшином охтенка спешит») – отмечен в первой главе «Евгения Онегина» при описании морозного петербургского утра.

В конце 1828 г. Полторацкие продали «мызу Окорвель при двух реках»³ княгине Зиновии Шаховской, впослед-

³ Так называлась загородная дача Полторацких в официальном объявлении о ее продаже, размещенном в газете (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1828. № 90, 9 ноября. Первое прибавление. С. 1279). Нужно отметить, что современное название реки – Оккервиль – окончательно сложилось и закрепилось несколько

ствии бывшей замужем (во втором браке) за статским советником и мировым судьей Василием Уткиным, от фамилии которого и образовалось общеупотребительное ныне название «Уткина дача». Еще совсем недавно полузаброшенная, неохраняемая и разоряемая, она наконец обрела защиту в лице Музея городской скульптуры, став его филиалом (2012 г.). Уже реализуется план мероприятий по реставрации построек и восстановлению парка;

работы займут несколько лет.

Как известно, начиная с 1870-х гг. Уткина дача использовалась для нужд различных благотворительных и медицинских учреждений; одно из них на рубеже столетий посетил и описал в своем журналистском очерке Александр Чехов (старший брат писателя и отец артиста Михаила Чехова), публиковавшийся в тот период под псевдонимом «А. Седой». Он остановился на весьма безрадостном внутреннем быте находившегося здесь приюта-лечебницы для душевнобольных женщин, отметив, впрочем, что пациентки «обставлены довольно хорошо, и кормят их... хорошо и сытно» – «в большом барском доме они занимают два этажа, над которыми помещается часовня». Чехов отметил, что в здании «есть и круглая зала со стенами, отделанными под мрамор, и гостиная с аллегорическими сценами на потолке, и неизбежная китайская комната с причудливой живописью». Его несколько удивило, что в этой окраинной местности,

выбранной городским начальством для размещения умалишенных, совершенно отсутствуют тишина и покой. Противоположный охтинский берег был занят тогда «многочисленными лесными складами и лесопильными заводами, а все русло покрыто плотами, лесом, лодками, барками и тяжело двигающимися, неуклюжими буксирными пароходами», свистки которых «не замолкают ни на один час». А на другом берегу Оккервиля, сразу после мостика, начиналась улица с многочисленными и шумными «питейными заведениями». Но это не сильно мешало размеренному распорядку приюта; «спокойные» больные свободно гуляли в приусадебном парке, а также «охотно и подолгу» сидели «на обрывистом берегу Охты», любясь «ее жизнью и движением»⁴.

Упомянутая Чеховым небольшая улица, с 1900 г. именованная Уткиной, а позднее ставшая частью Республиканской, существует и сейчас. Имеется и мостик – современный, но находящийся примерно там же, где и старый. Стоя на нем и глядя на мутные оккервильские воды, можно вспомнить и о безвозвратно ушедшем времени Полторацких-Олениных, и о тревожной предреволюционной эпохе, превратившей усадьбу блистательных аристократов в сумасшедший дом (в этой по-своему фантазмагоричной истории явственно ощутимо предзнаменование гибели старой России и безумий социальных экспериментов XX века).

⁴ См.: Чехов А. (А. Седой) 1. Призрение душевнобольных в С.-Петербурге. 2. Алкоголизм и возможная с ним борьба. СПб., 1897. С. 59–69, 114.

Неухоженной и загрязненной рекой не брезгают утки, весело ныряющие и поднимающие брызги взмахами крыльев. Еще не так давно ее окрестности представляли собой вполне загородный пейзаж. По правому берегу Оккервиля (с обеих сторон от нынешнего Заневского проспекта) располагались, вплоть до начала 1990-х гг., деревни Большая и Малая Яблоновка. Стояли одноэтажные домики с прилегающими садами и огородами, бродили козы и куры. Сельский уют и уклад, соседствующий с плотными массивами городской застройки, вызывал одновременно и радость, и удивление. Но с каждым годом остатки деревень обступала цивилизация асфальта и бетона, однажды окончательно переведя их в область воспоминаний. Вблизи берегов реки и исчезнувшей деревеньки недавно появился новый православный храм св. апостола Андрея Первозванного (Заневский пр., 65, корп. 6), освященный в 2017 г. Возможно, рядом с ним будет организован культурно-просветительский центр во имя св. Романа Сладкопевца, небесного покровителя поэтов и музыкантов⁵, и Оккервиль станет в еще большей степени «поэтической рекой».

Республиканская улица вблизи моста через Охту пересе-

⁵ Строительство Андреевского храма было долгим и сопровождалось преодолением различных препятствий. Существенную помощь в деле его создания оказали петербургские рок-музыканты: Борис Гребенщиков, Всеволод Гаккель и др. (в репертуаре группы «Аквариум» есть песня «Река Оккервиль», на стихи Анатолия Гуницкого). Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность за рассказ об истории храма его настоятелю протоиерею о. Виталию Магдееву.

кается с проспектом Шаумяна. В начале XX столетия он именовался Киновиевским, и здесь начинал свою столичную «литературную жизнь» тогда молодой и неизвестный, а впоследствии крупный российский писатель Михаил Пришвин. В рассказе «Город света» он описывал, как «в 1905 году снял себе деревянное жилище в четыре комнаты за четырнадцать рублей в месяц на Киновийском проспекте Малой Охты. Этот проспект был крайней улицей города и выходил между вонючими свинарниками в пригородное болото. Грязь была на этом “проспекте” такая, что, помню, один редактор так и не доехал до меня: извозчик отказался ехать еще на Марьиной улице, и гость пришел ко мне, утопая по колено в грязи. Я же сам ежедневно ходил в город в тех самых смазных сапогах, в которых путешествовал и охотился...». Несмотря на непролазную грязь и удаленность от центра, эти места оказались для Пришвина не случайными: «Начав свое любимое дело на Киновийском проспекте, я за него крепко уцепился, и оно стало мне делом жизни. <...> я дал себе клятву ни в коем случае не работать на внешний успех. Но... кое-какой успех был, и я по мере успеха перебирался с Малой Охты на Песочную, с Песочной на Петербургскую сторону, и наконец, на более благополучный Васильевский остров, где и встретил весну 1917 года». Деревянного дома, где жил Пришвин, конечно же, не осталось. Сейчас этот район вполне ухожен и благоустроен; посередине проспекта – каштановая аллея. И теперь совсем невозможно представить, как выгля-

дел тот старей «пришвинский» Киновиевский проспект.

Пришвин был не первым российским литератором, по воле жизненных обстоятельств оказавшимся на Малой Охте. Возможно, здесь в 1838 (39?) г., в квартире преподавателя древних языков Д.И. Успенского, жил юный Николай Некрасов, готовившийся к поступлению в Петербургский университет⁶. Некрасов, приехавший из Ярославской губернии в столицу летом 1838 г., планировал сдать на следующий год экзамены и нуждался в учителях-репетиторах. Крайне ограниченный в средствах, он был рад любой помощи от добрых людей и новых знакомых. Позднее в автобиографических записях он вспоминал: «На Итальянской встретил в увеселительном заведении Успенского – профессора духовной академии <...> с откровенностью молодости рассказал свои нужды. “Я вас выучу латыни, приходите жить ко мне”. Поселился у него на Охте. Подле столовой за перегородкой темный чулан был моей квартирой. Успенский в полосатом халате пил запоем по несколько недель, очнется: “Давай буду тебя учить”. Две, три недели учит очень хорошо, там опять запьет». Летние университетские экзамены 1839 г. Некрасов провалил и осенью устроился в университет вольнослушателем. Летом 1840 г. он снова сдавал экзамены и опять неудачно; впрочем, по латыни ему поставили «тройку» (видимо, за-

⁶ Впрочем, по другим данным, квартира Д. И. Успенского была не собственно на Малой Охте, а на противоположном берегу Невы, вблизи Малоохтинского перевоза (он находился на нынешней Синопской набережной, в створе проспекта Бакунина).

нятия с Д.И. Успенским не прошли совсем впустую). В дальнейшем Николай Некрасов уже не пытался получить высшее образование и полностью посвятил себя литературной работе. В неоконченном романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–1848) Некрасов поселил своего героя «близ Малоохтенского перевоза» через Неву, а также вывел образ своего учителя латыни Д.И. Успенского под именем Григория Огулова, отставного профессора духовных школ, «который был совсем не глуп, и по утрам, когда хмель выходил у него из головы, показывал признаки некоторого образования».

На Малоохтинском проспекте в 1830-х–1860-х гг. проживал ныне подзабытый, а когда-то широко известный писатель Николай Помяловский⁷. Он родился в семье дьякона местной церкви св. Марии Магдалины; окончил духовное училище при Александро-Невской лавре, а затем Петербургскую духовную семинарию. Известность пришла к нему благодаря публикации повестей «Мещанское счастье» и «Молотов» в журнале «Современник» в 1861 г. Популярными и высоко оцененными читающей Россией стали «Очерки бурсы» (1862–1863), где Помяловский описал годы своей «духовной» учебы в атмосфере палочной дисципли-

⁷ В последние годы своей жизни он жил вместе с матерью в ее квартире в двухэтажном деревянном доме № 24, а также снимал квартиру в доме Корепова вблизи церкви св. Марии Магдалины. Эти здания уже давно не существуют, как и сама церковь, закрытая в 1938 г. и окончательно разрушенная на рубеже 1960-х–1970-х гг. при «спрямлении» Малоохтинского проспекта.

ны, бесконечной зубрежки и полного отсутствия творческого подхода к освоению богословских знаний. По-своему яркая и сложная жизнь писателя была совсем недолгой; он прожил немногим более 28 лет, смертельно заболев вследствие неумеренного пристрастия к винопитию. Узнав о смерти Помяловского, Николай Чернышевский записал: «Это был человек гоголевской и лермонтовской силы. Его потеря – великая потеря...».

Рассказ Помяловского «Поречане» (1863) является, пожалуй, единственным произведением русской литературы XIX столетия, специально посвященным Малой Охте. Любовно называя свою малую родину «дивным уголком земли», он, местами довольно хлестко, с присущим ему саркастическим юмором, описал местные нравы и обычаи. В центре рассказа – частная жизнь малоохтинского столяра Ивана Огородникова. Подступая с разных сторон к «страницам» его биографии, Помяловский дал яркие зарисовки прошлого и настоящего Охтинских пригородных поселений, связанных с корабельным делом. Он отметил присутствие здесь в прежние годы большого количества старообрядцев; обрисовал внешний вид «Поречны», в которой было «только три каменных дома, остальные все деревянные, и среди деревянных не более десятка двухэтажных». Весело и убедительно, используя меткие фразы, он рассказал о жестоких кулачных боях на льду зимней Невы, весьма «нетрезвой» атмосфере престольного храмового праздника и своеобразной семей-

ной жизни охтян, с фактическим равноправием женщин и мужчин.

Современная улица Помяловского, названная в честь выдающегося писателя-охтинца, идет от набережной Невы к Новочеркасскому проспекту, в начале которого сохранился комплекс кирпичных казарм Новочеркасского 145-го пехотного полка, построенных в 1880-х гг. Незадолго до революции (осенью 1915 г.) в них «отбывал» воинскую службу поэт Игорь Северянин, будучи зачисленным в 1-й пехотный запасной батальон. Для популярного автора «Ананасов в шампанском» армейский быт был невыносимо тяжел. В стихотворении, начинающемся строками «На Охте гнилой, в казарме каменной...», он писал:

За всё отмстится поэта гонителям:
За кислые щи и граненый штык.
Всем диким, всем страшным миллионам хулителей,
За муки, к которым поэт не привык.
Оставьте, оставьте и грез не будите
В такую военную серую скинь!
Хотите – взойду на Олимп? Хотите?
Да сбудется вещее слово. Аминь.

Соседом Игоря Северянина по солдатским нарам оказался молодой поэт (а впоследствии писатель) Леонид Борисов. Много лет спустя он вспоминал ночные беседы с будущим «королем поэтов». Борисов просил дать ему совет как начи-

нающему литератору. Северянин сказал: «Начинают не поэты, а стихотворцы, то есть люди, которые всего лишь умеют рифмовать... Поэт начинающим не бывает, он берет сразу, как лошадь, с места, и пишет – как взял, так и пошел, вот как человек с тяжелой ношей». Борисов вспоминал, что Северянин разъяснил ему свой метод стихосложения: «А пишу я стихи без всяких черновиков – как выпелось, так и хорошо. Если стихи исправлять, будут уже второй и третий раз другие, новые стихи, не те, что были до этого...». «А вы их вынашиваете, обдумываете?» – спросил Борисов. «Нет, не вынашиваю, я не женщина – я поэт, меня что-то вдруг осенило, и я слушаю диктовку тайны...» – отвечал Северянин. «Всю жизнь буду писать о мечте, о грезах, о красивой жизни <...> Я сотворю свою, другую реальность...» – говорил он Борисову, когда они курили вдвоем на лестничной площадке казармы.

Революционные события 1917 г. резко изменили жизнь Охты. Из полупровинциального пригорода она начала превращаться в промышленный район, а в послевоенное время, с рубежа 1950-х–1960-х годов, стала местом массового жилищного строительства. Переходный период формирования нового («позднесоветского») облика бывших окраин застал Иосиф Бродский, отразивший свои юношеские впечатления в известном стихотворении «От окраины к центру» (1962). В первых двух строфах Бродский, не задавая какой-либо философской или литературно-игровой линии, рисует свой об-

раз невско-охтинских берегов:

Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов,
я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах.
Вот я вновь пробежал Малой Охтой сквозь тысячу арок.

Предо мною река
распласталась под каменно-угольным дымом,
за спиною трамвай
прогремел на мосту невредимом,
и кирпичных оград
просветлела внезапно угрюмость.
Добрый день, вот мы встретились, бедная юность.

В одной из бесед с культурологом и музыковедом Соломоном Волковым Иосиф Бродский рассказал, что основой стихотворения стали его пешеходные прогулки через Малую Охту к общежитию Ленинградского университета (ул. Стахановцев, 17), где он ждал девушку, которой был тогда романтически увлечен. Бродский заметил: «...мое детство predisposed me to a sharp perception of industrial landscape. I remember the feeling of this vast space, open, filled with some or other significant structures <...> trun-

бы, все эти только еще начинающиеся новостройки, зрелище Охтинского химкомбината. Вся эта поэтика нового времени...». Длинные путешествия через городские предместья привели Бродского к парадоксальной, но удивительно глубокой мысли: «и вдруг я понял, что окраина – это начало мира, а не его конец.<...> уходя на окраину, ты отдаляешься от всего на свете и выходишь в настоящий мир».

Попробуем и мы, отчасти следуя за строками и мыслями великого поэта, «пробежать Малой Охтой» к берегам Оккервиля⁸, чтобы встретить вновь таинственные волны вдохновения, которые мягче воды, тоньше воздуха и прозрачней высокого неба, открывающегося пред нашим взором на охтинских перекрестках поэзии и прозы, прошлого, настоящего и будущего...

* * *

В публикуемых далее подборках наших стихов нет како-

⁸ Сюжетно-художественная и биографическая связь Малой Охты и Оккервиля с российской литературой отнюдь не ограничивается примерами, приведенными выше. Следует, в частности, упомянуть стихотворение Юрия Колкера «Уткина дача, ночь» (1995) из его сборника «Ветилуя», а также известный рассказ Татьяны Толстой «Река Оккервиль», впервые опубликованный в 1985 г. в журнале «Аврора». Берега реки в ее рассказе затейливо обустроиваются и меняют свой облик в фантазиях главного героя Симеонова. Стоит заметить, что одним из прообразов главной героини (пожилкой певицы Веры Васильевны) стала Анна Ахматова (см. подробнее: *Богданова О. В., Богданова Е. А.* «Она была мечтой поэта...»: рассказ Татьяны Толстой «Река Оккервиль». СПб., 2015).

го-либо стилистического, программного или интонационно-го единства. И даже многие отдельные стихотворения нельзя уверенно отнести к тому или иному жанру: они зачастую синкретичны и внутренне свободны от рамок «формата» старых и новых художественных направлений. Пожалуй, одним из объединяющих нас подходов является стремление к твердым рифмам (при очевидном разнообразии фонетической и метрической структуры) – следование «заповеди» В. Маяковского о том, что «без рифмы стих рассыплется». Общим, несомненно, является и активное «перерастание» стихов в тексты песен, изначально задуманное или выявившееся в процессе создания поэтических строк, «захотевших» связать себя стройной мелодикой и ритмизацией. Впрочем, если у А. Черемисина это, прежде всего, песни-подражания, вдохновленные конкретными образцами, то у А. Долгополова это вполне самостоятельные произведения, готовые к исполнению на эстрадной сцене. Надеюсь, что читатель сможет и во многих моих стихах уловить музыкальную напевность. Но, пожалуй, различий в наших «литературных опытах» значительно больше, чем сходств. Не претендуя на профессиональный филологический анализ, все же следует кратко остановиться на наиболее характерных чертах стихотворной «деятельности» каждого из нас.

Алексей Долгополов предельно открыт «городу и миру», он с трудом сдерживает свою эмоционально-чувственную энергию, желание любить и восхищаться. В стремлении вос-

певать красоту «земных наслаждений» он близок к И. Северянину и М. Кузмину, а в более широком плане – к древнегреческому Анакреонту и традициям анакреонтической поэзии. Алексею в чем-то близка теория Д. Мережковского о том, что христианство не должно аскетически отвергать все «земное», но может «освятить» его, возвысив и уравнив с «небесным». Ему родственны темы семейного очага и уюта, мотивы гражданской лирики (восходящие к Н. Некрасову и С. Надсону), патриотическое ощущение народного единства и величия исторического пути родной страны. По его мнению, «обожание или глубокая скорбь – это два вектора, которые могут управлять поэтом», который «в России – больше, чем поэт». Психологические портреты современников он облачает в форму басен о животных, продолжая в этом линию русских классиков. Он всегда непосредственно и живо откликается на происходящее вокруг, умеет сливаться с атмосферой ликующей радости комедийного спектакля, оперетты, шумного праздника-бала с «шипеньем пенистых бокалов» и громом оркестра. Он органично музыкален и ждет от окружающих «торжествующих созвучий».

Алексей Черемисин вдохновлен величием природы, расширяющейся в космическую бесконечность, и безграничными возможностями ее технического освоения. Но в них он остро чувствует опасность разрушения мировой гармонии. Его волнует философский и одновременно физико-математический вопрос о месте отдельного человека в структурах

времени и пространства, тема зависимости от грубо навязываемых обществом стереотипов. Его привлекают словотворчество, звук (сам по себе) – как знак образа и «литературный факт», семантический сдвиг и абсурдистская «заумь». Эти особенности сближают внутренний строй многих стихов А. Черемисина с новаторскими приемами футуристов, прежде всего А. Кручёных и В. Хлебникова, а также с творчеством обэриутов (Д. Хармс, А. Введенский и др.) с их алогизмом, культивированием детски-непосредственного взгляда на окружающий мир. В его текстопорождающих порывах и экспериментах просвечивает порой (как в ранней поэзии А. Белого) полная подчиненность «мощной импровизационной стихии своего дарования»⁹. Жизнеутверждающая экспрессия авангарда сочетается у А. Черемисина, иногда парадоксально, с глубиной церковно-христианского взгляда на людей и Вселенную.

Мне свойственно не выставлять свой внутренний мир на показ; я склонен к уединенным размышлениям и созерцаниям среди деревьев и трав, вдали от городской суеты (А. Долгополов видит в этом близость к европейскому романтизму XVIII-XIX вв., а в более далекой перспективе – к «сельской» поэзии Вергилия). Придерживаясь своего рода «прикровенности», я надеюсь обрести в читателе сочувственное понимание. В лирической сфере мне кажутся родственны-

⁹ См.: *Лавров А.В.* Андрей Белый // История русской литературы: в 4-х тт. Т. 4. Л., 1983. С. 555.

ми возвышенно-печальный импрессионизм И. Анненского, а также эстетика «младших» символистов Серебряного века с их углубленным интересом к религиозно-философским вопросам, идущим от Вл. Соловьева. Но, в отличие от многих из них, я не стремлюсь к «затемнению смысла» и мистической «туманности», считая, вслед за акмеистами, идеалом прозрачную ясность поэтического текста. Моя «игровая» поэзия, сочетающая сюжетно-юмористические и словесно-шуточные ходы, очевидно, находится на пересечении абсурдизма и сатирического «псевдореализма». В этой связи мне, конечно, очень близки принципы театра абсурда, который отнюдь не искажает «объективную реальность», а лишь стремится показать порой неразрешимый конфликт личности и социума, высвечивая трагическое несоответствие повседневной суеты и лучезарной красоты бытия.

**БОЛЕЕ ПОДРОБНУЮ ИНФОРМАЦИЮ
О «ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ» МАЛОЙ
ОХТЫ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
МОЖЕТ НАЙТИ В СЛЕДУЮЩИХ
ИЗДАНИЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ:**

Березкин Л. Загадки Уткиной мызы // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. № 153. С. 2.

Бертош Л. «На Охте гнилой, в казарме камен-

ной...» (Игорь Северянин и Петербург) // Из Охтинской летописи. Вып. 1. Материалы и тезисы докладов учащихся на районных и городских краеведческих чтениях. СПб., 1994. С. 57–59.

Борисов Л.И. За круглым столом прошлого. Воспоминания. Л., 1971.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2007. • *Забабурова Н.В.* Я вас любил... Музы великого поэта и их судьбы. М., 2011.

Краснолуцкий А.Ю. Охтинская энциклопедия. Малая Охта. М., 2011.

• Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: в 3 тт. Т. 1: 1821–1855 / Отв. ред. Б.В. Мельгунов. СПб., 2006.

• Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. В 4 тт. Т. II. / Сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова. М., 1999.

Ломан О.В. Некрасов в Петербурге. Л., 1985.

• Львов Николай Александрович // Большая Российская энциклопедия: В 30 тт. М., 2011. Т. 18. С. 187–189.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15-ти тт. Л., 1984. Т. 8; СПб., 1997. Т. 13. Кн. 2.

Никитина А.Б. Архитектурное наследие Н.А. Львова. СПб., 2006.

Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / Вступ. ст. В.М. Файбисовича. СПб., 1999.

• Охта, Пороховые. Страницы истории / Сост. Е.М. Мухина. СПб., 2003. • Помяловский Николай Герасимович //

Большая Российская энциклопедия: В 35 тт. М., 2014. Т. 27. С. 114.

Помяловский Н.Г. Избранное / Сост., вступ. ст. и прим. Н.И. Якушина. М., 1980.

Помяловский Н.Г. Мещанское счастье; Молотов; Рассказы / Вступ. статья и прим. И. Ямпольского. М., 1985.

Пришвин М.М. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5.

Соболев А.Л. К летописи жизни и творчества Игоря Северянина // Литературный факт: научный журнал. М., 2017. № 3. С. 254–271.

Столбова Н.П. Охта. Старейшая окраина Санкт-Петербурга. М., 2008.

Сысоев В.И. Анна Керн: Жизнь во имя любви. М., 2009.

Терёхина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. «За струнной изгородью лиры...»: Научная биография Игоря Северянина. М., 2015.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988

Алексей Долгополов

Стихотворения, басни, песни

Так же как и мои друзья, Алексей и Александр, я родился в 1973 г. в Ленинграде. Мой отец, Виктор Долгополов, был известным в нашем городе музыкантом (основной инструмент – корнет), учеником знаменитого Вениамина Марголина; играл в оркестрах Малого оперного (Михайловского) театра, Ленинградского цирка и Театра музыкальной комедии. Мама работает в педагогической сфере. Мой дед (по линии отца), Георгий Долгополов, будучи по профессии инженером, писал интересные стихи, басни и сценарии, хотя в полной мере не реализовал свой талант. Родной дядя моей бабушки – советский поэт, член Союза писателей Георгий Некрасов, автор нескольких поэтических сборников.

В первый день моей жизни меня прямо из роддома принесли в цирк, чтобы показать отцу, который тогда там работал. Видимо, цирковая атмосфера непосредственно вошла в мою младенческую душу; быть может, именно поэтому я так сильно полюбил музыку и клоунов, смену костюмов, танцы, животных и птиц.

Одновременно с учебой в средней школе (1980–1990 гг.) я получал и специальное музыкальное образование (фортепиано, духовые инструменты: баритон, тромбон); углублен-

но изучал французский язык у частных преподавателей. В те же годы посещал детско-юношеские театральные студии (во Дворце пионеров и др.). Сценический опыт стал для меня основой мировосприятия; он сформировал и мое самоощущение поэта – как актера-декламатора, а в высшем проявлении – жреца, совершающего некое священнодействие в храме искусства. К сожалению, по ряду причин я не стал поступать в какой-либо вуз, связанный с музыкой или театром.

В 1994 г. я окончил Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (факультет русской филологии и культуры, специальность – «Русский язык и литература»); в 1996–2000 гг. обучался там же в заочной аспирантуре, разрабатывая научную тему «Причинные и следственные конструкции в речи иностранных студентов (активизация мышления)», но в дальнейшем не стал защищать диссертацию. Преподавал в Гимназии при Русском музее (1996–2000 гг.), затем в Петровском колледже (2000–2002 гг.). С 2002 по 2017 г. работал в Институте (ныне – Высшая школа) международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета как преподаватель русского языка для студентов-иностранцев. Мною опубликовано более 60 печатных работ в различных изданиях, в т. ч. зарегистрированных в системе РИНЦ. Они посвящены различным проблемам лингвистики и литературоведения, вопросам методики обучения языкам, а также охране окружающей среды и природопользованию (этой те-

матикой я занимался в соавторстве с Алексеем Черемисиным).

Принимал участие в различных научных конференциях. В 1997–1998 и 2004–2005 гг. находился в длительных командировках (стажировках) во Франции и Бельгии – сначала сопровождая в поездках петербургских гимназистов, а затем обучая русскому языку французских школьников в колледжах и лицеях Парижа.

В 2006–2017 гг. я активно снимался в кинофильмах и сериалах – как актер второго плана, в эпизодах и массовке: «Литейный: 3-й и 4-й сезон», «Петля», «Тайны следствия – 10», «Приставы», «Небесный суд», «Отставник-3», «Двое с пистолетами», «Шерлок Холмс», «Екатерина Великая», «Рудольф Нуриев: прыжок в свободу», «Матильда» и др.

Публикация в этом сборнике – первый опыт издания большого объема моих поэтических текстов. Ранее я опубликовал лишь несколько стихотворений в малотиражных газетах, а также на интернет-сайте «Стихи. ру» (под псевдонимом «Рыцарь Длинных Одежд»).

Северная столица

Я вижу град Петров, чудесный, величавый...

П. Вяземский

С Северной милой столицей
Жизнь мы связали с рожденья!
Яркой жемчужною птицей
Стали нам годы ученья.
Всюду – мосты и каналы!
Воды нам невские пели,
Чтобы мы совесть – познали,
Чтобы мы к звездам – хотели!
Всадника Медного профиль,
Летнего сада ограда
Пели нам в пушкинских строфах:
«Творчество – ваша отрада!
Творчество – ваша услада,
Творчество – ваши надежды.
Творчество – сердцу награда,
Музыка в жизни – как прежде!»
Плакали мы на Дворцовой,
Что мы – плохие поэты!
Образ пытались мы в Слово
Вылить из музыки света.

Только встречал нас Исакий
Проповедью о страданьи!
Каясь, блуждали во мраке,
Силясь познать мирозданье!
Нам бы всех ангелов трубы,
Нам бы цветы из Эдема!
Слово, витийствуй, как вьюга,
Стань, Петербург, нам поэмой!

2018

Вечерняя песня

Как бабушка, нас Охта принимает
И угощает наравне со всеми.
Нам чай небесный вечер проливает.
Нам хлеб ветров – как веры семя!
И пробуждает Невский берег думы,
В которых дед и баба вечно юны.
И узкой кухни ждет пирог веселый,
А рядом – садик и родная школа!..
И мы летим в воспоминанья легких.
И шепчем все: «Родная наша Охта»!
Как станет больно – струйка вод церковных
Любой недуг излечит, безусловно.
И над Новочеркасской стороною
Духовный свет возносится волною.
И он, как Богоматерь, охраняет.
И тихой славы мудрость обещает.

2017–2018

«Девочка в песочнице куличик...»

Девочка в песочнице куличик
Лепит и рыхлит песок лопаткой.
Мальчик рядом кормит хлебом птичек.
Смотрит бабушка на них украдкой.
Дедушка читает им газеты,
Папа с мамой брата пеленают.
Только я сижу на горке в парке,
И что будет дальше – я не знаю.
Я боюсь, и я мечтаю: прыгать,
И летать, и плавать в дальних странах.
Я учусь читать на Малой Охте.
Мне еще и думать даже рано.
Карту я куплю и синий глобус,
Посажу балконный гладиолус.
Буду рисовать слова и рыбок,
Без гримас и дружеских улыбок.
А потом во сне Неву увижу.
Спрыгну я с Исакия на лыжах —
И до Кавголово полечу я,
Звезд небесных холод носом чую.

Церковь Илии Пророка на Охте

*Посвящается лингвисту и культурологу
Илье Элиевичу Кружкову*

Пророка Илии я вижу храм,
Он украшает Охту, и смиренно
Главу он обращает к нам,
Чтоб с ним знакомились мы постепенно.
Пороховые, Ржевка, лесопарк
Знакомы многим с детства тишиною.
Над ними солнце поднимает флаг
Безлюдной утренней порою.
Плакучих ив танцует хоровод,
И нет автомобилей на дороге;
И девушка с возлюбленным идет
И кутается, словно недотрога...
Вдали остался пыльный Петербург,
А в церкви – свечи и распевы хора...
И небо, Воскресенья демиург,
Плывет над удивительным собором.
Нетронутой невинной чистотой
Сверкает крест в тумане непонятном;
Дарует Охта каждому покой,
И «Аллилуйя!» шепчем мы невнятно...
А вы преподаете, ваша честь
И слава – это мудрость педагога.

Талант лингвиста! Как его прочесть?
Вручен он был веленьем Бога.

2018

Всем жителям Охты, любящим Марину Цветаеву, посвящается

На Охте Малой
Вся жизнь пылала,
Вся жизнь цвела и
Благоухала.
На Охте Малой,
На Охте Малой.
Учителя нам
Всю жизнь отдали.
У Оккервиля,
У Оккервиля
Мы так встречались,
Мы так любили.
На Охте Малой
В мечтах рыдали,
Приобретали
Дух – как из стали.
И кем мы стали?
И кем мы стали?
Что в нас разыграло?
Что в нас разыграло?
На Охте Малой,
На Охте Малой
Мы лучше были,

Мы глубже стали.
У Оккервиля
Мы ночь молили,
Чтоб дало небо
Нам свет и крылья!
Нам свет и крылья.
Мы пели гимны,
Впитали знаки
Мы слов и рифмы,

Как зов атаки.
Читали много,
Играть учились,
На Малой Охте
Мы воплотились.
И было ясно,
И было дивно,
Что Охта в сердце
Поет призывно.
Там наши корни.
Там наши предки.
И у рябины
Прекрасны ветки.
И Шаумяна цветут каштаны.
И ходим там мы
От страсти пьяны.
И на рояле играем гаммы.
И на паркете танцуем польку.
На Малой Охте мы вспомним маму.

Всего хватает – весны бы только!

2017

Романс об Охте (В стиле эмигрантского)

Мы друзей на кухне собираем,
Мы вино и чай себе нальем.
И воспоминания нахлынут,
А на стол из шкафа нам грибочки вынут.
Память о себе и о друзьях
Мне дороже всех наград и благ.
Мы сидим на кухне все в мечтах!
Сердце бьется точно в такт...

Охта, Охта – сторона родная!
Рябины и березы, и кленовый листопад!
Дом родимый, я по тебе скучаю!
Ах, как бы детство вернуть назад?!
Наши бабушки нас тут растили,
Вечер дышит здесь
Родной тишиной...
Наша школа тут. Мы не забыли,
Что с Охтой сроднились мы душой.

Как мне возратить те ночи-дни,
Когда гуляли мы здесь одни?!..
Вижу дом – не могу вздохнуть!
Время невозможно повернуть...

Снова соберем своих друзей.
Дружба крепче тлена и вещей!
Охта наша Родиною стала.
Нет ее прекрасней и милей!

Охта, Охта – сторона родная!
Рябины и березы, и кленовый листопад!
Дом родимый, я по тебе скучаю!
Ах, как бы детство вернуть назад?!
Наши бабушки нас тут растили,

Вечер дышит здесь
Родной тишиной...
Наша школа тут. Мы не забыли,
Что с Охтой сроднились мы душой.

Осеннее танго мне сердце порвет,
Тоска и страданье мне душу прожжет!
И Охту мы вместе с тобой воспоем!..
Ведь тут вдохновенья и счастья дом!..

Охта, Охта – сторона родная!
Рябины и березы, и кленовый листопад!
Дом родимый, я по тебе скучаю!
Ах, как бы детство вернуть назад?!
Наши бабушки нас тут растили,
Вечер дышит здесь
Родной тишиной...
Наша школа тут. Мы не забыли,

Что с Охтой сроднились мы душой.

2017

Дожди Петербурга

(РОМАНС ЭМИГРАНТА)

Петербургский мой край неразгаданный,
Ты дождями и в ливнях спасаешься.
Ты церковною службой и ладаном
В моей памяти воскрешаешься.

В моей памяти ливнями, грозами
Воскрешается детства мелодия.
На Ростральных колоннах – Розы!
А на небе – святая Рапсодия!

В Петербурге так часто случается:
Непонятная грусть – весть печальная!
В небеса льётся песня венчальная
И на Невский ручьём разливается...

Дышит грудь – это память жестокая
Рукоплещет тоске всеобъемлющей.
Проплывают влюбленные женщины.
Ливень хлещет стеною высокою...

На каналах твоих и на набережных
Много жило убогих и набожных.
Только в тучах слова безутешные...

Только смыло водой судьбы грешные.

И под Сфинксом – как знак одиночества —
Пенят волны о смерти пророчества.
Над болотами чайки взвиваются,
С морями навеки прощаются...

И балтийские ветры тоскливые
Ужасают дворцы горделивые...
И церковною службой, и ладаном
Память входит в мой край неразгаданный...

Ты дождями и в ливнях спасаешься.
Ты со мною в любви открываешься...
Ты, далекий мой город, с рождения
Стал звездой моего возрождения...

2018

Осенний романс

Семимильными шагами холод осени вбегает,
И рубинами рябину осень щедро украшает.
Бескорыстною печалью сердце плачет и смеется,
Ускользают в небо мысли, как от славы – полководцы...
И туманно, и беспечно будущее отразится
В платье желтом и осеннем из заплата ситца —
Томный голос, звонкий гомон раздаётся над полями,
И над рощами несётся, над скирдами и церквами...
То пурпурно пламенея, то улыбкой апельсина —
Листья падают на землю складочками крепдешина...
Будто выпустила осень из бутылки ржавой джина,
Стало тихо и пустынно в хижине простолюдина...
Караванами уходят в небо клинья птичьих «прайдов»,
Вечер, будто киноплёнка, на глаза бежит, как слайды...

—
Крутит в будке оператор фильм о прошлых
заблуждениях,
О страстях, о чувстве нежном, обо всех грехопадениях...
На столе собрали дети ягоды-грибы в лукошках,
А душа забыть не хочет, как скребут на сердце кошки!
Пахнет медом и... отъездом, и сырой землёй прощанья...

—
Ночь в глуши почти беззвездна! Плакать хочет
мирозданье...
Обещанья позабыты, окна наглухо забыты —

И скрипит калитка грустно о судьбе, зазря прожитой!..

2017–2018

«Где-то в дальних звездах тает...»

Где-то в дальних звездах тает
Персеид паденье!
Где-то с неба долетает
Звездное гуденье...
Пахнет рожью, пахнет сеном, пахнет листопадом...
Звезды в реки смотрят томно – манят своим взглядом...
Осенью собрали яблок
Груды, кипы хлеба...
Хочется уткнуться в звезды, засыпая в небе...
За деревней стынет холод,
За деревней плачет чайка,
А на сердце – пересуды, стоны балалайки...
Девушки несут корзины
Вишни да черешни.
Стали вечера дождливей, в мыслях о нездешнем
Я неспешно размышляю о судьбе печальной.
Скоро встретим мы невесту в снежном и венчальном.
Всё, что летом загорело, всё, что солнцем жило,
Притаилось, помрачнело, словно бы отжило!

«Мой друг – вернее просто не найти...»

Мой друг – вернее просто не найти!
Всегда в трудах, и в спорте, и в пути!
Нет денег – даст! Болею – навестит!
Мой друг мне ничего не запретит!
Он весел, бодр и чист душой, умом!
Всегда зовет гостей в свой милый дом!
Мой друг спасет, придет ко мне в беду!
Не отвернется, если я в бреду!
Он выручает словом лишь одним.
Он сам талант! И мы гордимся им!
Ах, как оригинален он в стихах!
Любую песню ценит он мою!
Лишь плохо, что зря кается в грехах!
Хоть жизнь ведет он, как святой, свою...
И мы ему желаем в счастье жить
И много тайн Вселенной приоткрыть.

2017

Марток, или Моцарт среди экологов

(АРИЯ ИЗ НЕНАПИСАННОЙ ОПЕРЫ)

Одень скорее семь порток, одень перчатки и платок.
Грядет весна, снега сойдут, и птички солнце приведут.
Хорош марток, поет сверчок, и веселится мужичок,
Пусть даже будет без порток, ему понравится марток.
Он был, конечно, филолог. Умен, как Александр Блок.
Отходы прятал он в мешок, тем самым вызывал он шок
Своих коллег, своих друзей, когда заправский ротозей
Его с ведёрком заставлял. Он к чистоте всех призывал.
Его подругу знали все – то экология, и те,
Кому не по душе вся грязь, узнали, что не удалась
Попытка захламить дворы, и с ним дружили до поры.
Когда метель ушла на сон, тогда в леса подался он.
Он на свирели там играл, среди фауны устроил бал.
Он охранял животных быт и... на охоте был забыт
Своим товарищем за то, что спрятал он ружье в пальто
К лесничему. То был удар. А жизнь – она великий дар.
Поют синички, тает снег. Совет: устрой в поля побег
От неурядиц и невзгод – а там глядишь – и повезет.

2008

Сосна

Сосна прекрасна, будто гимн мечте,
А жатвы время мудрость умножает.
Дух ясный в благородной чистоте
Свершениями в будущем сияет.

И ты в себе соединил лесов
И рек Марийских гимны роковые.
Даёшь друзьям тепло своих ты слов,
Но ждешь любимой ласки огневые.

Будь стойким и себя преодолей!
Будь дерзким, позабыв былое.
И мужем стань – влюбленным стань – смелей!
И обретешь блаженство неземное.

2013, 2018

«Ma grand-mère prépare le dîner pour moi...»

Ma grand-mère prépare le dîner pour moi
Elle attend que je revienne de mes études.
Elle me dit toujours – Dépêche-toi!
La vie n'était pas brutale, mauvaise et rude.
Et maintenant, je me souviens d'elle.
Je me rappelle l'humour et ses bagatelles.
Je me souffre puisque je l'ai perdue
Il y a dix années elle a disparu.
O! Revienne, o! Rentre ma jeunesse!
Mon enfance – tu m'avais quitté.
Et j'observe que ma maison sans cesse
Deviens vide et abandonnée.
Chaque fois quand je vais au cimetière,
Je commence à pleurer devant son tombeau.
Mais le soir je vais chanter et m'amuser,
Parce que dans la vie je dois brûler mon feu!

Бабушке

Что мне осталось от Тебя?
Один лишь свет, один лишь свет.
В окне моем уж жизнь не та —
Тебя на свете больше нет...
Чужие люди, всё другое!..
Они не пустят на порог,
Не испекут гостям пирог,
И, как собака, жду под зноем,
Стою и плачу, как дитя...
Что мне осталось от Тебя?

И не коснуться рук Твоих,
Волос не целовать седых!..
И не вдыхать в объятых запахах,
Застывший в новогодних лапах!
О, бабушка! Прости меня
За причиненные несчастья!
Когда б всё было в нашей власти!..
Теперь опустошен мой дом.
Хоть отдан он другим – и лучшим!
Ах, как побыть мгновенье б в нем!
Но память нежность не разрушит!
И бабушки передник там
Повесит новая хозяйка...
Лишь я, как дурачок Незнайка,

Не прикоснусь к родным стенам.
И по паркету моему
Не протанцую я отныне.
«Даруй прибавку мне к уму!» —
Молю я снова Божье имя.

Улыбка бабушки моей
Мне будет сниться, будет сниться!
И до скончанья моих дней

Мне не забыть ее ресницы!
Всегда гостям накрытый стол
И шутки ты дарила щедро!
И жизнь спиралью пела гимн,
Как окоемы тетраэдра!
Кому цветы теперь несую?!
И нет меня того! Нет фортепьяно!
И продан дом... В моем саду
ЧУЖИЕ – даже песни пьяных!
Не возвратиться мне туда!
Зачем хочу вернуть былое?
От бабушки я навсегда
Узнал секрет про «Неземное»!
Одиннадцатое число!
Молюсь, чтоб Ты в раю витала!
В Твой день Рожденья так светло,
Что сердце радугой зыграло...
Осиротел я оттого,
Что дом не мой, что ты далёко —

На небесах... Покоя нет
Моей душе в тоске глубокой!

Во всем меня жалела Ты.
О, бабушки душа святая!
Была ты кладезь доброты.
Жила, во всем мне потакая!
Кормила, – верила в меня!
Стирала. Гладила. Вязала.
Как из февральского огня,
Душа за Мир твой так страдала
Твоя! Морщинки на лице,
А на руках – одни мозоли!
Все мысли – о своем птенце!
Нельзя любить без острой боли.
Я это осознал сейчас,
Когда из стен родных я выгнан;

Теперь несу скитальца иго... —
Хоть пробил мой свободы час!
Я каждую субботу жду,
Что лед безвременья вдруг треснет!
И, как Урания в звездáх,
Мне в юном образе воскреснешь!
И я надеюсь, что Тебя
Мне сохранит мой ум навеки.
И что забуду я печаль,
И стану мудрым человеком.

2016–2017, 2018

Маме

Оставлен всеми, в одиночестве страдаю,
Лишь мать одна опору мне дает.
Ее лишь сердце дух огнем питает
И мне надежды свет несет!
Оставлен всеми, я не плачу —
Стремлюсь всё зло врагов забыть!
Но что борьба вся эта значит?!
Я мог себя бы изменить...
Однако, никому не нужный,
Я мучаюсь, себя узрев.
И я бездвижен, и простужен —
Я червь, а не ретивый лев...
Надежда и любовь во мне сцепляют
Совместно с верой дружеский союз.
Как ценно! Меня Музы убаждают!
И я храним союзом этих Муз.
Вот Талия и тут же Мельпомена!
В театре услаждают глаз и слух.
А вот Эрато нежной кантиленой
Животворящий мне подымлет дух.
И я хочу создать свой мир – горячий.
Я жить хочу по сердцу – не иначе...

Русская зима

С кем улыбается открыто,
А с кем – не молвит ни словца,
Всегда скрывает тайны без конца
И путь торит себе в снегах избитый.
Никто не может с ней в любви сравниться!
Никто не замечал в ней игр ума!
Она снегами вся искрится,
И имя ей одно – зима!
Весны зари огонь ей страшен,
Которой нет милей и краше.
И я пою весну любви —
А что же воспоете Вы?!
Державно строгостью горит
Ее ответственное сердце,
Кому – со смехом, а кому – и с перцем
Она надменно в ссоре говорит...
Кого – любовью обласкает нежно,
Кого – секретом дружбы наделит...
Её невозмутимый вид
В трудах и отдыхе прилежен...

Цветы на даче

Ничем не хуже липа! Но жасмин
Цветами и нежнее, и пахучей!
И аромат его тягуче, лучше!
В тоске любовной – он один.
Спасенье нам – ведь он в любви везучий!
Однако липы цвет его целебней!
В часы болезни сердцу он потребней...
И согревает душу он в меду,
Когда любовь метается в бреду...
В саду моем я липу посажу.
А рядом и жасмин расположу.
Пусть радуют они меня цветами
И нежными любви земной мечтами.
И если мне влюбиться суждено,
Жасмином я утешусь утомленным.
А как болезнь придет в мое окно —
Я липой буду верной излечённый...

2018

Роза

Церковной розы хрупкая невинность
Шмелей укрыла, наклонив бутон.
Тычинок с пестиками паутиность
Кольшет колокольный звон.
В проснувшейся земле жуки играют,
У церкви слышен птичий шум и гам.
К невинной розе пчелы подлетают
И жмутся к ароматным лепесткам.
Прохладный ветер гонит в небе тучи.
Вдыхает роза запахи земли.
И солнца на крестах маячит лучик.
И сердце петь желает о любви...
Летят скворцы над парками в дубравы,
Мечтают о птенцах и о семье.
Свои стихи апрель на лужах правит,
И ритм весны повсюду и везде.

2018

Янтарная любовь

Тебя увидел я на заливе тихом.
Ты шла по дюнам белым босиком.
Вдали соборы виднелись Риги,
И Балтика играла с ветерком.
В тебя влюбился я, как юнга корабельный,
И подарил тебе кусочек янтара.
Купались-загорали две недели.
Ты кислородом стала для меня.
А после ты уехала в Россию —
И тосковать я начал, и скучать.
Ах, мы с тобой – как корабли морские:
На якоре не можем устоять...

Песок жемчужный – янтарные закаты.
Залива Рижского волна!
И пламенем любви объят я!
Ты только мне одна нужна!
Я напою тебя любви напитком.
Ты в Ригу поскорее приезжай!
Твоя душа мне – как янтарный слиток!
Вернись ко мне – меня не забывай...

Отныне я ищу тебя повсюду
И жду: вернешься в Ригу летом ты...
Твои глаза я долго помнить буду —

Они похожи на латышские стихи.
Я помню: мы по берегу ходили.
Я обнимал тебя и нежно целовал.
Мы в романтической сказке жили,
И Балтики нам ветер напевал.

Песок жемчужный – янтарные закаты.
Залива Рижского волна!
И пламенем любви объят я!

Ты только мне одна нужна!
Я напою тебя любви напитком.
Ты в Ригу поскорее приезжай!
Твоя душа мне – как янтарный слиток!
Вернись ко мне – меня не забывай...

Ты чайкою морскою мне казалась.
Меня ты называла «капитан»...
Незримой нитью мы с тобой связались.
Но всё прошло, как утренний туман.
Покинула ты гавань нашей страсти
И уплыла на корабле любви.
Ты унесла с собой частицу счастья —
И в наших рощах смолкли соловьи.

Песок жемчужный – янтарные закаты.
Залива Рижского волна!
И пламенем любви объят я!
Ты только мне одна нужна!

Я напою тебя любви напитком.
Ты в Ригу поскорее приезжай!
Твоя душа мне – как янтарный слиток!
Вернись ко мне – меня не забывай...

2017

Хуанхэ

(МЕДЛЕННЫЙ ВАЛЬС)

Встреча у фонтана с ней.
Темный сад. На небе тысяча огней.
Музыка глаз и дыхание ее.
Серенаду о любви душа поет.
Тайну ее
Приоткрыла мне луна,
И китайские увидел я глаза.
Темные брови,
Как ласточек перо.
Приручить их, наверное, нельзя.

На далёкой, на далёкой Хуанхэ, Хуанхэ
Соловей тебе напомнит обо мне, обо мне.
Чем, скажи, меня приворожила ты,
Ах, глаза твои – как синяя Янцзы.
Ты меня, меня, меня не покидай,
Увези, вези меня с собой в Китай (да, в Китай).
Только там со мною сможет соловей
Нежным голосом петь о любви моей.

Верный капкан —
Этот для меня роман.
Я хотел обнять ее прекрасный стан.

Вывернулась и исчезла в темноте.
И смогу теперь найти ее я где?
Годы прошли,
И приехал я в Пекин.
Там в театр как-то раз зашел один.
Вижу – на сцене красавица моя
О любви поет, а смотрит на меня.

На далёкой, на далёкой Хуанхэ, Хуанхэ
Соловей тебе напомнит обо мне, обо мне.

Чем, скажи, меня приворожила ты,
Ах, глаза твои – как синяя Янцзы.
Ты меня, меня, меня не покидай,
Увези, возьми меня с собой в Китай (да, в Китай).
Только там со мною сможет соловей
Нежным голосом петь о любви моей.

Встретились мы,
И на русском языке
Объяснилась мне в любви она сама.
Сила судьбы
Помогала всюду мне
И в Китай меня недаром привела.
Я и невеста желанная моя
Были музыкой обвенчаны одной.
Памятная встреча стала роковой.
Дочь Китая, станешь ты моей женой!

На далёкой, на далёкой Хуанхэ, Хуанхэ
Соловей тебе напомнит обо мне, обо мне.
Чем, скажи, меня приворожила ты,
Ах, глаза твои – как синяя Янцзы.
Ты меня, меня, меня не покидай,
Увези, вези меня с собой в Китай (да, в Китай).
Только там со мною сможет соловей
Нежным голосом петь о любви моей.

1999

«Я расстаться с тобой не могу...»

Я расстаться с тобой не могу
В непонятном начале романа.
От смолистых волос – я не лгу, —
Как от зноя, ты видишь, я пьяна.

Абрикосом затих поцелуй,
Спелой вишней застыло дыханье.
Как, судьба, ты меня ни балуй —
Не забыть мне о нашем свиданье.

Почему твоей кожи шелка
Моих пальцев не требуют боле?
Может, вскоре ты вспомнишь меня,
Нагулявшись на радужной воле...

1999 (?)

Неверность

Я тебя полюбил за улыбку,
За красу я тебя полюбил.
Ты была в моей жизни ошибкой.
Я ошибкой своей дорожил.
Я тебя полюбил за походку.
Ты свела меня сразу с ума.
Но любовь оказалась короткой —
Разлюбила ты быстро меня.

Я надеялся и верил, что ты счастье и судьба.
Только горе и потери та любовь мне принесла.
Я надеялся и верил, что тебя возьму я в плен.
Ты смеялась надо мной в плену измен.

За что мне наказание в любви твоей?..
Я не могу забыть твое лицо.
Зачем я называл тебя мечтой моей?
Зачем дарил на свадьбу я кольцо?
Ты обманула, ты меня свела с ума.
Ты сердцем поиграла и ушла.
Как жить теперь, скажи мне, без тебя?
Любовь меня неверностью сожгла.

Я тебя полюбил неслучайно:
Ты приснилась мне ранней весной.

Ты была моей дивною тайной.
Ты была сокровенной мечтой.
Я тебе все стихи посвящаю.
Лишь одной я все песни пою.
Что случилось, я, правда, не знаю.
Не хочу, но – как прежде – люблю.

Я надеялся и верил, что ты счастье и судьба.
Только горе и потери та любовь мне принесла.
Я надеялся и верил, что тебя возьму я в плен.
Ты смеялась надо мной в плену измен.

За что мне наказание в любви твоей?..
Я не могу забыть твое лицо.
Зачем я называл тебя мечтой моей?
Зачем дарил на свадьбу я кольцо?
Ты обманула, ты меня свела с ума.
Ты сердцем поиграла и ушла.
Как жить теперь, скажи мне, без тебя?
Любовь меня неверностью сожгла.

Ты нашла себе по красивей,
Помоложе себе ты нашла.
Ты, наверное, будешь счастливей.
Ты забыла совсем про меня.
Я любил тебя за улыбку,
За походку тебя я любил.
Ты была моей главной ошибкой,
И тебя я боготворил.

Не жалею я, мне себя не жаль.
Та любовь меня уносила вдаль.
Благодарен я за огонь любви —
Он останется навсегда в груди.

Я надеялся и верил, что ты счастье и судьба.
Только горе и потери та любовь мне принесла.
Я надеялся и верил, что тебя возьму я в плен.
Ты смеялась надо мной в плену измен.

За что мне наказание в любви твоей?..
Я не могу забыть твое лицо.
Зачем я называл тебя мечтой моей?
Зачем дарил на свадьбу я кольцо?
Ты обманула, ты меня свела с ума.
Ты сердцем поиграла и ушла.
Как жить теперь, скажи мне, без тебя?
Любовь меня неверностью сожгла.

2018

Вы так прекрасны и жестоки

Вы так прекрасны и жестоки – словно Муза.
Вы не появитесь, пока ночь не придет.
Вам очень страшно жить по чуждому приказу.
Но Вам костюм весны невинной подойдет.

Вы со мной должны расстаться —
Вам дороже Ваш покой.
Только мне нельзя скитаться по Земле в пути домой.
Где найти мне снова Музу?
Где забыться – в чем и как?
Только Вами восхищался.
Вот потеря. Черный знак.

Вы так прекрасны и жестоки, словно Парки.
Плетете нить любви и судеб оком.
Вы так коварны: Вы назначили всем сроки,
Когда с любовью приходите друзьям в Ваш дом.

Вы со мной должны расстаться.
Нам вдвоем не повезет.
Что-то в сердце будет мчаться
И скакать копытом в лед.
Где найти мне снова счастье.
И куда бежать за ним.
Смыть бы все печали, братцы,

Смыть грехов постылый грим.

Вы мне сказали, чтобы я забыл дорогу
К порогу Вашему и всю любовь забыл.
И этих дерзких слов так было много,
Что я во снах слезами говорил.

Вы со мной должны расстаться.
Вас забыть велит покой.

Но с любовью расквитаться
Может только грешник злой.
Я же вовсе не разбойник,
Я же вовсе не виновник.
Мне присуще всё, что свято,
Я хочу в вине купаться...

2009

«Есть в человеке триединство...»

Есть в человеке триединство —
Оно как Дух, Отец и Сын!
Всё благородство, всё бесчинство
Спят в нас, как древний исполин.
Мышление с речью совмещает
Молитвы, думы и мечты.
Но страсти сердце разрывают,
А ум не видит красоты.
И совесть с памятью в цепочке
Покоя сердцу не дают.
И к покаянью силу прочным
Путем они нам всем несут.
И каюсь, мучаясь, страдаю,
Приобретаем опыт мы.
Судьба копьем наш быт пронзает
И отдает на суд молвы.
Храни нас, Ангел созиданья!
И триединство укрепляй!
Всели в нас дар самопознания
И к совершенству побуждай!

Сады вселенной

Черемухи запах пьянящий
И яблонь цветов кружева.
И ландышей смех голосащий
Так радуют в мае меня.
Фиалок, в лесу затаившихся,
Дурманят цветные огни.
И вишни, в саду наклонившись,
Меня укрывают в тени.
Завьюжила майская пляска —
Танцует балет лепестков,
Тоскуя, в душе зреет ласка,
Как соки древесных стволов.
Летаю, порхаю, мечтаю —
Касаюсь губами листвы.
Я ветви рукой обнимаю
Под чарами знойной весны.
Хотелось бы таять, цвести!
В любви что мне нужно? Что надо?
Не знаю. Но знают цветы.
Бушует соцветий торнадо —
И пчел увивается рой.
Я плачу. И нет мне улады.
А космос плывет надо мной.

2018

Поздравление Вере Александровне Карповой на юбилей

(ВАЛЬС)

Поздравить мы хотим:

– Ах, простите Вы нас! —

Здоровья желаем в праздничный час.

Вы стольких образов

Воплощали суть,

Душе не дав хоть на миг отдохнуть.

Близ вас толпа поклонников стонет,

Критика глупостью Вас не затронет,

Все, кто на сцене с Вами – стоял,

Вашу гениальность впитал.

Желаем вам 150 лет порхать, блистать.

Актеров учили Вы побеждать,

Своим талантом Вы привыкли восхищать.

Зрителей смогли – искусством воспитать!

Ничто на сцене Вам не помеха,

Богиня театрального успеха!

Вам благодарен мир без меры —

Да здравствует Карпова Вера!

И каждый день Ваш – бенефис.

Толпа кричит Вам: «Браво!» и «Бис!»

Лишь Вы украсили течение наших дней!

К свершениям новым – актеров движет

Ваш юбилей.

2018

«Мы у иконы Божьей Матери...»

Мы у иконы Божьей Матери
В молчанье пропеваем Альбиони.
Как грешники, смиренные писатели,
Мы слезы льем и плачем у иконы.
Мы молимся в отстроенных соборах,
Мы просим о прощении грехов.
И верим, что спасемся скоро, —
Но нет спасенья от стихов...
И свечи жжет рука у алтарей.
И сердце нам поет по-итальянски...
И хочется сгустить все сердца краски —
Нарисовав портрет морей...
И те моря, души отображенья,
Зовут нас гласом Ангелов с высот.
И чувствуем мы зов преображенья.
И храма хор в согласии поет.

2017

Блокадникам

Вам, пережившим голод, холод, —
Вам, дни Блокады пережившим,
Я памятный пою свой дифирамб.
И со слезами до земли склоняюсь!
Вам, отстоявшим Ленинград,
Что Петербургом был когда-то,
Я пропою и рондо эпитафий,
И цикл стихов в честь жителей блокадных!
Комок мне горло больно сжал, дышать
Нет силы – о Блокаде я пою!
Вы отдали за нас, потомков, – жизни!
Вы там остались – на Неве в снегах!
А мы благодаря Победе – живы!
И бабушек, узнавших ужас смерти,
Мы не забудем никогда. В сердцах
Вы будете всегда тем идеалом,
К которому бесстрашные стремятся...
Мы будем на блокадников равняться.

Театр жизни

Непреодолимой и непоправимой
Связью, сопричастной с тайной страстью,
Я к тебе привязан, и невыразимо
Спит во мне невысказанно счастье.
Где бы ни был свет, и как бы он ни резал —
Я смотрю на ярус третий прямо и пою...
Думает толпа, что я пою нетрезвый,
Но слезу глотаю и мотив держу...
Что бы я ни делал, с кем бы ни общался —
Неотождествим с пьянством мой порыв.
Всё, что раньше пел, Богу посвящалось.
Пусть всегда звучит ангельский мотив.
Более, чем грусть... Менее, чем радость,
Всех нежней цветов, всех солёней вод —
Тайной страсти звук, и объем, и сладость!
Только от любви кто же нас спасет?!
Падают дожди, расцветают зори,
Звезд теченье возраст сводит нам на нет!
Только сердце музыке явственнее вторит,
И не страшен смерти бархатный рассвет.
В космос мы уйдем, и потусторонний
Наш обнимет Солнце вечный силуэт...
Улетим со сцены в мир любви бездонный,
На земле оставив грешный свой портрет.

2018

«У нас есть то, что скрыто от ума...»

У нас есть то, что скрыто от ума!
Оно весомо и легко одновременно,
Оно таинственно и явственно весьма.
Оно сменяемо – и неизменно.
У нас есть то, что зиждется во всём.
Чему закон еще нигде не писан!
Стен не любя, оно возводит дом.
Оно и страж, и врачеватель, и актриса.
Ей всё понятно, но ее понять
Никто на Западе не может!
Она должна то плакать и страдать,
То наслаждаться и корчить рожи!
Нигде покоя ей не отыскать,
И ей нельзя сидеть всегда на месте.
И этому название – дышать,
Трудиться, жить и говорить о чести!
Она, оно и он – то есть душа!
Душе никто приказывать не в силах!
Незримая, не стоит и гроша —
И не боится, вечная, могилы!

Весенний шум

Весенний гам и музыка звучит очарованием.
Шум вод – шум снега, тающего, и огни зарниц.
А солнце обольщает нас всемирным процветаньем,
Весна румянит людям краски лиц.
На небе птицы снова возвращаются,
В траве проснулись первые цветы,
А голос звезд колдует – и мечты
Во снах людей по-новому вращаются.
Растает снег, растает боль и грусть.
Колышется в тумане томность – нежность.
И ты – приход любви – как неизбежность,
Пусть всё изменит март, скорее, пусть.
Я вижу, как творится тот сеанс
Кино, которое нам позабылось,
И трачу на подарки я аванс...
Чтоб сердце вновь надеждою забилося.
Мне петь весны звучащий ураган
Всего приятней, слаще и важнее!
Бегу навстречу я весне быстрее —
И пью пьянящий страсти я туман.
Мне не дано нарисовать цветы,
Мне не дано летать подобно птицам...
Но плачу я, узрев весны черты,
Вернулся словно я из-за границы.

2018

Афродита

Как Афродита, по песку ты шла.
Волной морскою платью развевалось...
Амура в сердце мне попала стрела,
А ты шутила и смеялась...
Красивая, неукротима ты.
Ты разумом и страстью управляешь.
Как сумасшедший, я несу тебе цветы,
А ты меня всё время прогоняешь...
Но только ночь укроет небеса —
Сама спешишь опять в мои объятия.
Ты как безумие и как проклятье —
Но я на всё согласен для тебя.

Горячая пора любви – июль – жара и зной!
Ты рядом. Ты моя. И я навек с тобой!
Горячая любовь – июль – зной и жара!
Мы вместе снова с ночи до утра!

Один твой взор бросает в дрожь меня!
Соперничать с тобой никто не смеет!
Душа твоя как будто из огня!
Скажи мне: «Жду» – и я уже немею!
Но только ночь укроет небеса,
Ты снова надеваешь страстно платье,
Тигрица – укрощаешь ты меня —

Безумная любовь – мое проклятье...

Горячая пора любви – июль – жара и зной!

Ты рядом. Ты моя. И я навек с тобой!

Горячая любовь – июль – зной и жара!

Мы вместе снова с ночи до утра!

2018

Я твой Меджнун

Я твой Меджнун – скорее приезжай
И белой ночи красоту встречай!

Моя Лейли, тебя готов носить
Я на руках! Всё в жизни может быть!

Хоть я гиперборейский альбинос,
Я дам ответ на скромный твой вопрос.

Задай его, спроси, кого люблю —
Отвечу просто: силы кораблю

Дает волна и ветер – ты одно
Сокровище, что мне судьбой дано!

Тебя беречь я буду, как агат,
И за тебя отдать готов я сад.

И Бухары, Хорезма и Ширази
Тебе я подарю любви алмазы!

Твоя поэма поглотила ум,
А в сердце словно над пустыней шум

Дождей, несущих радость бытия!

Так приезжай – жду с нетерпением я!

2008

Нине

Добросердечности полна
И невесома, как сиянье
Весенних солнечных дождей,
И запахов, и колыханья
Трав и цветов, и чистых вод.
Тебя увидев и сознанье
Вмиг потеряв, душа поет.
Час наслажденья настает,
Ты блещешь светлым обаяньем.

Возьмет ли смертная тоска
Меня, хандра ль меня замучит,
Твой номер мудрая рука
Вмиг наберет – и станет лучше
И жить, и верить, и дышать.
Все мрачные исчезнут тучи,
В беде на помощь ты придешь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.